

СТЕПУН: РОССИЯ – ЭТО ЕВРОПА

Федор Августович Степун – религиозный философ, культуролог, социолог, теоретик искусства, писатель. Наше недостаточное знакомство со Степуном вызвано рядом обстоятельств. Значительную часть своей жизни он провел в Германии, на нем лежала печать врага советской власти». В 1922 г., в Москве вышла книга «Оствальд Шпенглер» и «Закат Европы», инициатором издания которой и одним из авторов был Степун, она вызвала гнев Ленина, который счел ее "литературным прикрытием белогвардейской организации". С этого, собственно, и началась подготовка к высылке за границу цвета русской интеллигенции в 1922 г. т. н. «пароходы» эмиграции. Среди тех, кто был выслан за границу, был и Ф.А. Степун.

Он родился в Москве в 1884 г., детство и юность провел в средней полосе России, в Калужской губернии. В нем была смешана литовская, немецкая, французская, шведская кровь, а стал он русским интеллигентом. Степун был многогранно талантлив. В нем уживались любовь к философии и стремление к художественному творчеству, что было присуще ему на протяжении всей жизни. После окончания Московского реального училища и отбытия воинской повинности для продолжения образования в 1902 г. он уезжает в Германию в Гейдельбергский университет, где изучает философию, историю, политическую экономию, государственное право, историю искусства и литературы. Закончив учебу, Степун знакомится с жизнью Франции и Италии, защищает докторскую диссертацию по историографии Вл. Соловьева и в 1910 г. возвращается в Москву.

Здесь выступает организатором и редактором международного философского журнала "Логос", который завоевал авторитет среди ученых и прекратил существование в связи с началом первой мировой войны. Степун мечтал об актерской деятельности, но дефект речи (не выговаривал «л») закрыл ему путь на сцену.

Во время первой мировой войны был тяжело ранен, 10 месяцев провел в лазаретах, затем вновь возвратился в действующую армию.

Февральскую революцию встретил на фронте, был избран в состав фронтовой делегации направленной в Петроград для выяснения событий, и там был введен в Совет рабочих и солдатских депутатов, В качестве комиссара Временного правительства был направлен на фронт, оттуда отозван и назначен начальником политического управления военного министерства и редактором официоза министерства «Армия и флот свободной России». В период от февраля до октября 1917 г, был участником и очевидцем многих значительных событий в стране. В этот период меняется отношение Степуна к революции: от восторженного отношения – к усталому разочарованию. Утром 24 октября 1917 г. был арестован, но вскоре освобожден.

Переезжает в Москву с твердой уверенностью, что никогда больше не будет заниматься политикой, однако политика постепенно вторгается в его жизнь. Выступает в печати оппозиционной большевикам, заведует культурно-философским отделом правозэсеровского "Возрождения". Степуна призвали в Красную армию, однако с помощью Луначарского его оставили в Москве и направили заведовать репертуаром в « Показательном театре революции» После постановки классических пьес «Царь Эдип» Софокла и «Мера за меру» Шекспира Степун был уволен «за явное непонимание сущности пролетарской культуры», а в театр пришел В. Мейерхольд. После ухода из театра много выступал с лекциями, в том числе в театральных студиях. В 1919 г. уезжает в деревню и работает в семейной трудовой коммуне. В 1922 г. выслан за границу.

В зарубежье Степун жил насыщенной интеллектуальной жизнью. Он заведовал литературно-художественным отделом лучшего журнала зарубежья «Современные записки». Кроме того, Степун был одним из основателей и редактором журнала «Новый град», в котором: сотрудничали многие видные религиозные философы зарубежья. Оставаясь социалистом, Степун эволюционировал от идей

правых эсеров к христианскому социализму, что и нашло выражение в направлении «Нового града».

Значительным является вклад Степуна и в теорию художественного творчества и театра, этой проблеме посвящены как многочисленные статьи, так и монографические работы. Среди них книги «Театр и кино» и «Встречи: Достоевский – Лев Толстой – Бунин – В. Иванов – Леонов».

В 1926 г. его пригласили в Дрезденское высшее техническое училище на кафедру социологии, но в 1937 г, он был уволен нацистами без права печатного и устного выступления. Сам Федор Августович иронично говорил; по причине "неисправимой русскости, жидофильства и склонности к религиозному мракобесию". В 1947 г. в Мюнхенском университете была создана специально для Степуна кафедра истории русской литературы, заведующим которой он был до самой кончины в 1965 г.

Из большого круга проблем интересовавших Степуна было проблема кому принадлежит Россия – Европе или Азии. В «Новом журнале» (1962., кн.69) была опубликована важная статья «Россия между Европой и Азией». В ней Ф. А. Степун рассматривает истоки евразийства, где и когда родилась теория, что Россия не принадлежит Европе, а принадлежит Азии.¹

Тенденция определения России не как Восточной Европы, а как Азии родилась в 80-х гг. во Франции. Первым идеологом, считавшим, что русский народ, а потому и вся русская культура не имеют ничего общего с Европой был известный французский историк – Анри Мартэн (1810–1885), выпустивший в 1865 г. книгу «Россия и Европа». В этом труде автор утверждал, что русские не славяне, не индогерманцы, а туранцы, принадлежащие к тюрко-алтайскому племени, что они лишь внешне похожи на европейцев, но не имеют с ними ничего общего. По своему духовному строю они суеверны, непроницаемы для просвещения, раболепны. Христианством они

¹ Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией В кн.: Россия между Европой и Азией Евразийский соблазн. М., Наука, 1993., с. 307 – 327.

только внешне помазаны, но не исполнены. Единственно, к чему они способны, – это к быстрому размножению. Дальнейшее пребывание этих азиатов представляет для Европы большую опасность, избавление от которой возможно только путем изгнания этих вторженцев за Урал. Инициативу осуществления этого плана Мартэн предлагал взять на себя полякам, как подлинным славянам-индогерманцам.

Ту же точку зрения на Россию, как на страну, чуждую по своему духовно-культурному облику Западу, защищает, опуская этническую аргументацию с чисто религиозной точки зрения, Анри Масси, ярый шовинист и по духу близкий Муссолини. В своей книге «Защита Запада», вышедшей вскоре после первой мировой войны, Масси утверждал, что русские потому не подлинные европейцы, что они не являются духовными наследниками Римского христианства: «Им не хватает латинского чувства формы, ощущения дисциплинирующей власти разума, красоты римского *ordo* (лат. – порядок), понимания строго иерархического построения церкви и государства. Их христианство догматически аморфно, богословски не продумано, на восточный лад мистично, туманно и социально не заинтересовано. Все это сближает православие с индуизмом и отдаляет от Запада. Признаки азиатской духонастроенности встречаются также и в народной вере москвитян. В глазах многих русских крестьян церковный обряд представляется как бы магическим колдовством, а молитва – заклинанием. Россия с одинаковым чувством относится как к святым, так и к демонам. Антихрист постоянно маячит в их запуганной содрогающейся фантазии. Все это сближает, по мнению ученого-католика, русское православие с персидскою верою с культом Зароастра, в котором Ариман (бог Зла) почитается, в равной степени, как Ормузд (Бог Добра)»

Масси призывает себе в помощь Достоевского, в частности страницы «Дневника писателя», где тот пишет: «Для России было бы хорошо, если бы она на некоторое время повернулась бы лицом к

Азии». Здесь Достоевский высказывает и надежду, что такой поворот вызовет подъем национального чувства во всей России.

Эти размышления Масси завершаются совсем уж нелепыми историософскими построениями, исходящими, очевидно, из убеждения Освальда Шпенглера, что созданная Петром Великим империя представляет собою лишь некую псевдоморфозу» национального русского бытия, с неизбежным распадом которой Россия быстро вернется к исконным основам своей азиатской сути. Началом такого возврата и представляется Масси большевистская революция, жертвою которой стал не Николай II, а Петр I. Парадоксальнее всего в рассуждениях Масси то, что эту теорию он считает не своим истолкованием развернувшихся в России событий, а главной мыслью самого Ленина. Народ, по мнению Масси, «понял намерение своего вождя и признал в нем последователя и законного наследника тех московских царей, что сознательно держали Россию повернутой лицом к Азии»

Несмотря на явную несостоятельность историософских и богословских построений этих французских мыслителей, их главный тезис – Россия по своему духовно-культурному облику должна быть отнесена не к Европе, а к Азии – был в 20-х гг. в смягченном виде повторен группой эмигрантских ученых, называвших себя евразийцами.

Евразийство существовало с 1920 по 1930 гг. Началом евразийства послужила критика европоцентризма, содержащаяся в книге Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920). Сложился евразийский кружок (Н. С.Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский и П. П. Сувчинский). Его члены выпустили сборник статей «Исход к Востоку». Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1 (София, 1921).

Было создано книгоиздательство и стал выходить программный альманах евразийцев. Выходили и другие издания. Евразийство превратилось из маленького кружка в разветвленную эмигрантскую организацию с отделениями во всех центрах русского зарубежья.

В 1928–1929 гг. произошел раскол евразийства в связи с просоветской и пробольшевистской деятельностью левой группировки. Левые евразийцы вскоре покинули ряды движения, некоторые из них вернулись в СССР, и там стали жертвами политических репрессий. Евразийцы поддерживали антизападные, изоляционистские, империалистические аспекты раннего советского режима и видели в нем частичную преемственность царской России.

Трубецкой в статье “О туранском элементе в русской культуре” (“Евразийский временник”, книга 4, стр. 351, Берлин, 1925) попытался повернуть Россию лицом к Азии, он пошел вслед за Массии и сделал, как считает Степун, интересный анализ духовного облика туранских народов, которые, по его мнению, сыграли решающую роль в создании России. “Самое объединение, – пишет он, – почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими царями, а туранскими монголами”.

На основе филологического и фонологического изучения тюрко-монгольских и манчжурских языков, Трубецкой пришел к выводу, “что в духовном творчестве тюрков в качестве основной черты господствует некая “схематизация” сравнительно небольшого материала. Типичный тюрк не может вдаваться в тонкости и запутанные детали”. Он думает широко охватывающими жизнь первозданными представлениями. Характерна для тюркского мышления и практическая жилка. Поставленный перед проблемой, для разрешения которой у него нет готовой собственной схемы, тюрк, не задумавшись, возьмет чужую. Разница между своим и чужим для тюрка всегда менее важна, чем разница между целесообразным и бесцельным. “Тюрки всегда охотно брали готовые чужие схемы, принимали и иноземные верования”.

Все эти основные черты туранского духа евразийцы находят и в допетровской, то есть подлинно русской культуре. “Пусть самое православие было воспринято русскими не от туранцев, а от Византии, само отношение русского человека к православной вере и

та роль, которую эта вера играла в русской жизни, были в определенной части основаны на туранской психологии”. К этой психологии русского православия, которые Трубецкой называет “туранским христианством”, относится весьма слабый интерес к богословским сложностям. Вместо сознательно продуманной богословской системы Московская Русь духовно питалась “словами невыразимой подсознательной философской системы, нашедшей свое выражение не в богословских трактатах, а во всем житейском культурном укладе”. Общими туранцам и русским особенностями Трубецкой объясняет не только стиль русского православия, но и многое другое. Так, например, отрицательное отношение России к рационалистической метафизике немецкого идеализма и отталкивание от абстрактного парламентаризма, одним словом, от всего механического строя Западной Европы, начало которому в России положил Петр. Считая русскую революцию порождением романо-германского ига, Трубецкой приходит к заключению, что татарское иго было вовсе не так уж плохо.

Причин, объясняющих, почему евразийство, как культурно-политическое движение, преждевременно замолкло и несколько бесславно сошло со сцены, конечно, много, но главная заключается, как мне кажется, в том, что евразийское культурно-политическое мирозерцание было возвращено ненавистью к тем силам, что привели Россию на край гибели, и к тем другим, что цинично надеялись нажиться на ее несчастье, т.е. к порожденной Петром Великим западной интеллигенции, и к принявшим ее западным странам. Под влиянием этого озлобления против внутреннего и внешнего Запада в евразийцах выросло ощущение, что и советская Россия – Россия, которое впоследствии, в эпоху издания “Евразийской Искры” и карсавинских парижских лекций превратилось в неправильную тенденцию примирения и с большевистской властью; произошло это вероятно, потому, что соблазн ключевской строки: “есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах” (9) был с самого начала близок

евразийской душе. Из этих сложных переживаний и выросла где-то на перекрестке сниженного “ до бытового исповедничества” славянофильского православия и националистической теории “культурных типов” Данилевского антиевропейская идеология евразийцев.

Общими туранцам и русским особенностями Трубецкой объясняет не только стиль русского православия, но и многое другое. Так, например, отрицательное отношение России к рационалистической метафизике немецкого идеализма и отталкивание от абстрактного парламентаризма, одним словом, от всего механического строя Западной Европы, начало которому в России положил Петр Великий. Сравнивая взгляды враждебных России французских ученых со взглядами русских патриотов-евразийцев, нельзя не удивляться их близости. Как Мартэн, так и Трубецкой держатся того мнения, что духовный образ России является в значительной степени определенным еще живым в нем туранским наследством. Злая по тону характеристика православия, католического шовиниста А. Масси, во многом совпадает с пониманием православия у Трубецкого. И Масси и Трубецкой считают характерным для православия отрицательное отношение к рационалистическому богословствованию и преобладание в нем подсознательной философской системы. Разница между французами и евразийцами заключается, таким образом, как будто бы не столько в разном понимании России, сколько в разной оценке ее образа. Рисуя Россию как члена азиатского культурного типа, французы стремились к ее уничтожению. Евразийцы же, связывая Россию с Азией, руководились противоположным желанием ее возвеличения над разлагающейся Европой.

Ф.А. Степун отказывается разбирать подробно неверность посыла евразийцев, он обращается к известному знатоку России профессора Отто Гетч, который в своей “ Истории России” утверждает, что “по своим корням и по своему изначальному развитию Россия, сумевшая преодолеть и ассимилировать разные

племена, представляет особую младшую сестру индо-германской семьи европейских народов”.

Отношение России к Европе в разные эпохи ее развития было разное. Большинство западноевропейских историков, стремившихся отодвинуть ее подальше на Восток, исходили не из соображений близких Мартэну и Трубецкому, а из веры в решающее влияние татарского ига на Россию как в этническом, так и в духовно – культурном отношении. Оспаривать европейский характер Киевской Руси действительно трудно, Московский – уже легче. Этнически Киевская Русь была определенно славянской страной, в правящем слое которой было немало северно-германских элементов, о чем говорит легенда о призвании варягов. Их влиянию Киевская Русь была, очевидно, обязана и живой торговлей со Скандинавскими странами.

Духовно Россия жила христианством, воспринятым у Византии. Восточное христианство, то есть православие, многим отличалось от западного, но все же не в такой степени, чтобы этой разницей объяснить отрыв России от Западной Европы. Внутренняя устремленность Киевской Руси на Запад доказывают Ключевский и многие источники XI–XII веков. Они выясняют, что русские князья нередко владели иностранными языками, что они собирали библиотеки, основывали школы, в которых можно было изучать греческий и латинский язык, и что приезжавших из Византии ученых Киев встречал с особым почетом.

Если ко всему сказанному прибавить еще то, что удельные князья не гнушались обращаться за разрешением своих споров к западным правителям и даже к самому Папе, и что Новгород уже в XI веке представлял собою весьма своеобразную демократию, в которой вече, заключая договор с князем, запрещало ему жить в самом городе, дабы не получилось никаких столкновений между военной и гражданской властью то, пишет Степун, искать Азии в Киевской Руси нельзя.

С такой характеристикой Киевской Руси многие защитники азиатского характера России, вероятно, согласились бы, так как они

исходили в своих утверждениях не из туранских теорий Трубецкого и французов, а из положения, что 250-летнее деспотическое царствование инокровного, чуждого христианству, монгольского народа не могло не переродить как физической сущности, так и духовного облика православного славянского народа. Не случайно же говорят: “поскребите русского, и вы получите татарина”. Этот на первый взгляд как будто бы убедительный аргумент при ближайшем рассмотрении оказывается, однако, несостоятельным. Если бы монгольские войска были расположены по всем городам и весям России, то было бы необходимо предположить, что в славянскую кровь влилось много монгольской. Но ведь известно, что татары управляли страной как бы издали. Золотая Орда, ее главный штаб, военные силы, административные центры стояли на волжском низовье, то есть в Царицыне (Волгограде). Заинтересованы татары были только материальными благами: деньгами и пастбищами. В личную жизнь покоренного народа почти не вмешивались, перевоспитанием русских не занимались. Орда весьма хорошо относилась к Церкви, которая была освобождена от податей, правда и она оказывала некоторые услуги властям предержащим.

Важнее вопроса об этнографическом изменении русского народа и порче русского характера под влиянием татарской жестокости, вопрос о происхождении Московского государства, характер которого иной раз опять-таки объясняют татарским влиянием. Иван Грозный творил невероятные преступления, особенно в Новгороде, который ему хотелось стереть с лица земли. Задуманные казни осуществлялись с непостижимою жестокостью. Царствование Грозного принадлежит, конечно, к самым страшным страницам истории. Вопрос только в том, надо ли жестокость Грозного рассматривать как порождение татарщины. В то время, в которое Грозный изничтожал “республику Святой Софии”, герцог Альба не менее кроваво расправился со своими врагами в Голландии, а в Париже пылала Варфоломеевская ночь... Но дело не столько в психологии Грозного, сколько в структуре того государственного строя, который он

практиковал как царь и защищал как богослов. Этот государственный строй был, как известно, создан не в ханской ставке, а в Волоколамском монастыре его настоятелем Иосифом Волоцким.

Наиболее отрицательный портрет этого волевого человека нарисован Федотовым в его “Новом граде”. Основным грехом Иосифа Федотов считает его кровавую вражду не только к мистическому, но просто даже к духовному началу в христианстве. Для него “обряд выше догмата и политическая власть Церкви важнее христианского исповедничества”. Победенных им на Соборе в 1530 году волжских старцев он сжег, а Ивана Грозного поучает: “Жаловать есьмы своих холопов вольны, а и казнить вольны же”.

Для нас важны только истоки его учения о будущем Русском государстве. Искать эти истоки в татарском царстве, очевидно, не приходится, потому что невозможно сомнение, что свое видение Московского царства было Волоцкому подсказано, с одной стороны, посланием инок Филофея Великому князю, в котором утверждалось, что отныне Москва – Третий Рим, после которого четвертого уже никогда не будет. А с другой стороны, той особенностью Византийской Церкви, которую Соловьев назвал цезарепапизмом. Для Иосифа неоспоримо, что православный царь получает свою власть непосредственно от Бога, что он только по своей природе человекоподобен, а по своему призванию и духовному бытию богоподобен. Главную задачу православного царя, по мнению Иосифа, является защита чистоты учения и подавление ересей. Причем допускаются даже инквизиционные приемы. Обыкновенных забот о хозяйственно-жизненном устроении своих подданных для православного царя мало. Необходимы еще духовные наставления для спасения их душ. Для достижения этой высокой цели царю вверяется полная власть над жизнью и смертью своих подданных. Этою властью Грозный пользовался с полной уверенностью в своей правоте и не без богословской изощренности защищал свое право в переписке с беглым князем Курбским.

Этот раздел статьи Ф. А. Степун заключает: Всего сказанного о характере монгольской оккупации и о возникновении образа Московского царства в православном монастыре, думается, довольно, чтобы не сомневаться в том, что и Московская Русь, как и Киевская, представляет собою не Азию и даже не Евразию, а своеобразную Восточную Европу.

Европейский характер основанной Петром Империи доказывается в первую очередь не влиянием Европы на Россию, а тем общением между Западом и Россией, которое началось сразу же после раскрытия Петром окна в закрытый до тех пор заморский мир. Значение и все это общение сказывается уже в том, что национальное самоопределение России началось с выяснения ее отношения к Западу. В процессе этого самоопределения образовались, как всем давно известно, две партии: славянофилы и западники. Что западники были европейцами доказывать не приходится, но не всеми еще освоено то, что, в сущности, и славянофилы были ими: не случайно их журнал назывался не “Москвитянином”, а “Европейцем”. Отличались славянофилы от западников не отрицанием Европы как таковой, а лишь враждой к той просвещенской рационально-позитивистической Европе, что, родившись в XVII веке в Англии и Франции, привела к революции. Симпатии славянофилов, как и симпатии немецких романтиков и французских традиционалистов, были на стороне побежденной христианской Европы. В глубине славянофильского сознания жила даже мечта, что православная Россия, быть может, со временем поможет средневековому Западу в его борьбе против атеистического гуманизма. Родившаяся в славянофильских кругах религиозная тема об отношении России к Западу красною нитью проходит через всю русскую историософию как XIX, так и XX века.

Такой же, если не еще больший, интерес к Европе проявляли и русские западнические течения, в которых сильнее бился пульс общественно-политической мысли. Зародившись под влиянием французской революции, это течение поначалу питалось англофранцузским просвещением, но потом, подпав под власть

религиозных идей Фейербаха, предвосхитившего в известном смысле ницшеанскую концепцию сверхчеловека, перекинулось к Марксу, который и расколол русскую интеллигенцию на крестьянско-народнический и западническо-пролетарский лагерь.

Далее Ф.А. Степун проводит убедительный анализ связи русской и западной (преимущественно немецкой) литературы, искусства, связей творческих людей России и Европы. Завершает он статью словами, что мог более подробно иллюстрировать культурное общение России с Западом, но и этих примеров достаточно для опровержения, как русофобского (“французы”), так и русофильского (“евразийцы”) утверждения, что Россия, как культурный мир, должна быть отнесена не к Европе, а к Азии.

Обратим внимание, что Федор Августович говорит о Европе Восточной. Вопрос о том, чем Россия, как восточная Европа, отличается от западной – очень сложен. Его анализу он обещал посвятить следующую статью. Напомним, что эта статья опубликована в 1962 году, написать вторую, очень важную статью он не успел.

А. Я. Массов

РУССКИЕ ОПИСАНИЯ АВСТРАЛИИ 60-Х ГГ. XIX ВЕКА (К 150-ЛЕТИЮ ПОСЕЩЕНИЯ МЕЛЬБУРНА И СИДНЕЯ РОССИЙСКИМ КОРВЕТОМ «БОГАТЫРЬ»)

На протяжении всего XIX века главным, если не единственным каналом общения россиян и жителей английских переселенческих колоний в Австралии оставались визиты на пятый континент кораблей российского флота. Записки о ходе плавания, мемуары и заметки русских моряков о том, что они увидели в экзотической Австралии, служили одним из основных источников знакомства русской читающей публики с жизнью на пятом континенте, с развитием процесса английской колонизации Австралии. В XIX в. можно выделить два периода посещения русскими моряками английских колоний в Австралии. Первый приходится на первую